

UDC 94 (47).084.8

ХЛЫНИНА Т.П.

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра
Российской академии наук, доктор исторических наук (Россия)

ЛОКУСЫ ПРИВАТНОГО: ДОМ И СЕМЬЯ В УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Характер и особенности воспоминаний очевидцев Великой Отечественной войны о доме и семье свидетельствуют о том, что они оставались наиболее значимыми локусами повседневной жизни. Дом для советского человека оставался не только его крепостью, но и пространством роевой жизни. Частая смена мест проживания, по сути, не менявшая образа жизни и ставшего привычным многолюдного окружения, превращала его в некую декорацию, неизменной частью которой оставалась только семья. Жилищная политика советской власти и чрезвычайные обстоятельства жизни в условиях военного времени расширили границы последней, включив в ее состав людей, деливших с ней один кров.

KHLYNINA T.P.

Institute of Social-Economic Research and Humanities of Southern Scientific
Center of Russian Academy of Sciences, Dr (History) (Russia)

PRIVATE LOCUS: HOME AND FAMILY IN ORAL MEMOIRS OF EYEWITNESSES GREAT PATRIOTIC WAR

Nature and characteristics of the memories eyewitnesses of the Great Patriotic War of the home and family indicate that they were the most important locus of their daily lives. Life, most of which was spent in conditions devoid of even a hint of the possibility of privacy or shelter from the watchful eye of neighbors. House for Soviet man remained not only his strength but also space swarming life where as in classical theater actions were coupled with the canonical text of sequence which straightened. Frequent change of habitat, in fact, does not change the way of life and the customary crowded environment, transforming it into a kind of decoration, part of which remained unchanged only family. Housing policy of Soviet power and the extraordinary circumstances of life in wartime have expanded the boundaries of the latter, including in its membership people who divided with her a shelter. However, despite the prospect of being so restricted one on one with my life, man, even in conditions of communal life and multigenerational family managed to keep a small but not affected by someone else's private eye piece. It is not always found opportunities for its implementation, but reflected in the irregular correspondence, stock doors enclosing the room from the common areas and the inevitable clash of views, "street racing" is not supervised parental custody. It should be noted that such opportunities during the war unlike peacetime became more. Another question: is how much they were demand and meet the established way of life at that time?

ХЛИНИНА Т.П.

Інститут соціально-економічних і гуманітарних досліджень Південного наукового центру
Російської академії наук, доктор історичних наук (Росія)

ЛОКУСИ ПРИВАТНОГО: ДІМ І РОДИНА В УСНИХ СПОГАДАХ ОЧЕВИДЦІВ ВЕЛИКОЇ ВІТЧИЗНЯНОЇ ВІЙНИ

Характер і особливості спогадів очевидців Великої Вітчизняної війни про дім та сім'ю свідчать про те, що вони залишалися найбільш значущими локусами їхнього повсякденного життя. Дім для радянської людини залишався не лише його фортецею, але й простором ройового життя. Часта зміна місць проживання, що, по суті, не змінювала

¹Статья подготовлена в рамках проекта "Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России" (базовое бюджетное финансирование, № госрегистрации 01201368164).

стилю життя та вже звичного багатолюдного оточення, перетворювала його на певну декорацію, незмінною частиною якої залишалася лише родина. Житлова політика радянської влади та надзвичайні обставини життя в умовах воєнного часу розширили кордони останньої, включивши до її складу людей, які розділяли з нею єдиний кров.

Интерес современного исследователя к устным свидетельствам непосредственных очевидцев и участников Великой Отечественной войны необычайно высок. Став заметным явлением современной историографической практики, он не является для нее чем-то принципиально новым. Вместе с тем, обращение к рассказам о войне вплоть до недавнего времени не выходило за рамки их иллюстративного применения. При этом практически все они исходили от лиц первого плана, прошли тщательную литературную и содержательную обработку и призваны были служить неопровержимым доказательством самоотверженности и героизма советского народа. Нынешний интерес профессионального сообщества к источникам устного происхождения вызван, прежде всего, теми возможностями, которые предоставляет ему обновленное историческое знание, пережившее за последнее десятилетие не один методологический поворот. В его пространстве история войны постепенно обретает не достававшее ей длительное время антропологическое измерение, превращаясь из идеологически выдержанного официоза в подлинную человеческую драму. Со страниц исторических сочинений война все чаще предстает не столько масштабным столкновением противоборствующих систем, сколько коллизией человеческих судеб. Судеб, воплотивших в себе горечи военных поражений и отчаяние первых побед, безыскусность быта тыловой жизни и какое-то неиссякаемое, исподволь дающее о себе знать стремление к его эстетизации; всепоглощающее чувство страха и головокружительной легкости. Война перестала восприниматься сплошной чередой преступлений, уступив место представлениям о ней как о жизни в чрезвычайных условиях. Жизни, в которой помимо подвига находилось место и всевозможным житейским заботам, трудностям их преодоления и маленьким бытовым радостям. О локусах этой жизни, собственно, и пойдет речь в статье. В ее основе - устные воспоминания очевидцев событий военного времени, записанные сотрудниками лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН в 2012-2013 гг.

Дом: “место, где мы пережили войну”. Записанные нарративы различаются по степени освещенности тех или иных сюжетов, эмоциональной и стилистической окраске передаваемых событий и их восприятия. Особое место среди них занимают дом и семья, что объясняется традиционной значимостью для человека этих сфер жизни, а также привычностью их открытого обсуждения. Все разнообразие прослушанных повествовательных линий о доме как о месте, где человек живет если и не постоянно, то подолгу, можно свести к двум моделям - месту, где респондент встретил войну, и месту, которое стало для него убежищем во время войны. Первая модель представлена в воспоминаниях двумя разновидностями - коммунальной квартирой и отдельным домом. При этом жилое пространство и в том и в другом случаях не сводится к сухому перечислению его составляющих, а неотделимо от его обитателей: *“Значит, это двухэтажный дом и четыре квартиры из них: три коммуналки и одна бывшая дворницкая. Значит, в одной квартире осталась одна женщина, такая хиленькая, ее и немцы не забирали на работы, и с ребеночком, годика три. В другой квартире не осталось никого. На первом этаже осталась мама подруга, бывшая дворянка, такая”* [1]. *“На Никольской был дом наш, я маленькая была. Такой колоссальный дом, большой частный, газон великолепный и пес, маленький, пушистый такой, шпиц. У меня отметка, я маленькая была, что-то поползла, а он меня хватя за щеку”* [2].

В ряде воспоминаний дом как таковой ассоциируется с более широким географическим понятием населенного пункта или учреждения, его заменившего: *“Я родился в 1921 году в селе Поповка, Кашарского района Ростовской области. Это север области. Ну, а кто в деревне жил? Работники и крестьяне. И в 1921 году, тяжелое время было, голод был в России, дедушка мой с бабушкой и мой батька с моей маткою приехали в Ростов. Дед у меня патентованный кузнец, а отец помогал, потому что кузнец один не работает, он*

с основной задачей, а еще есть молотобоец. Так они в Ростове и остались” [3]. *“Я остался без отца, без матери в возрасте 5 лет. Нелегкая была жизнь. То немножко старшие братья брали к себе. У них свои семьи были. Они поженились. Старше они были, я - малыши против них. А потом в 1925 году советская власть организовала для таких детей детский интернат в Одессе. И вот, нас туда забрали с нашей Николаевки, человек 7 забрали. Николаевка была в Одесской области... Я побыл там 5 лет”* [4].

Практически ни один из респондентов не остановился на описании внутреннего убранства дома, за исключением тех немногих случаев, когда какая-то деталь интерьера не запечатлевалась в памяти на долгие годы: *“Значит, вот как зайдешь, как и положено, в правом углу, от потолка и вот внизу вот такой треугольный столик - это были иконы”* [5]. Вероятнее всего, аскетизм и неприхотливость советского быта, вызванные целенаправленным идеологическим воздействием и крайне низким уровнем жизни пореволюционного времени, не располагали к такого рода воспоминаниям. Хотя две собеседницы, чье социальное происхождение еще десять - пятнадцать лет тому назад было бы определено категориями *“бывшие”* и *“из интеллигентского сословия”*, детально обрисовали некогда занимаемые их семьями жилые пространства *“вот с такими стенами в восемь кирпичей”*: *“Значит, дом такой дворянский и вот лестница такая чугунная, казалась мне большой. Сейчас она уже не такая большая, я была там, она красивая была очень, в розах вся. Это был парадный вход, а для прислуги был, не железная лестница, как в обычных купеческих дворах парадная, но уже с деревянной лестницей и две комнаты, ведущие из этой парадной для прислуги комната, там кухарка, прачка, вот такое вот. А между основной квартирой была лестница, которая спускалась ниже. Между лестницей была большая ванная и только после этого ход туда в ту половину”* [6]. *“Мы меняли нашу московскую квартиру, девятиметровую такую комнатку в коммуналке, а поменяли на коммуналку здесь, но шикарную... Это известный памятник конструктивизма, его сейчас изуродовали <...> Там было так, типа в нашей квартире: две комнаты смежные и одна совершенно изолированная. Вот заселяли обычно две семьи. Вот смежные комнаты, это какая-то большая семья, ну вот, например, по тогдашним временам нас там жило четыре человека, считалось, что у нас хоромы”* [7].

Дом являлся не только конкретно локализованным местом проживания с разной степенью бытовой комфортности, но и атрибутом материального достатка, а также социального статуса: *“Строили дома, они были примитивные, что такое саманные дома, Вы знаете. Или планкованный дом - это когда деревянная основа, обитая планками, и она набивалась глиной. А вот кирпичные дома - это была редкость, это были только богачи, местные богачи окраинные могли поставить. Вот на нашем квартале, где я жила, было всего два кирпичных дома, остальные были планкованные или саманные. У нас был планкованный дом, который в 1930 году построил мой дед, в котором я и родилась”* [8]. Редко, но, тем не менее, отмечались и условия проживания: *“Наши смежные вдвоем, а их отдельные. Кухня отдельная, кухня, правда... да ну, не меньше, чем теперь в хрущевках. Вот так это строилось для рабочих, а напротив был корпус, там были изолированные квартиры. И вообще, они были оборудованы лучше, по-моему, там были ванны. У нас, ничего. Горячей воды ни у кого не было, холодная, но у нас не было ни душа, ничего”* [9]. Следует отметить, что ситуация отсутствия необходимых с точки зрения нашего современника удобств каких-либо раздражающих комментариев у собеседников не вызывала.

Ценность довоенного дома определялась как восприятием его в качестве места рождения, *“семейного гнезда”*, *“родительской вотчины”*, так и невозможной утратой, подчеркиваемой неприглядностью сменяемых с калейдоскопической быстротой временных пристанищ периода эвакуации: *“[У кого остановились в Махачкале?]. На улице, сидели, как цыгане табором. Там собрались людей тысячи”* [10]. *“Приехали мы в Баку, в надежде, что мы все-таки вернемся, и над Баку начали летать самолеты. И тут уже холода, октябрь месяц. И там мы уже сидели, я Вам скажу, я не знаю, как назывались эти хатки, глиняные хатки,*

там, значит, на зиму загоняли овец. Потому что днем тепло было, а вечером холодно, и вот мы в этих хатках” [11] и предоставляемого нового жилья: “Когда вот это вот все случилось [отца обвинили в какой-то растрате], ничего не разбирая, маму, меня и еще кто-то был в доме, всех выкинули. Мама говорила, вот, сидела на бордюре в серо-голубом костюме, фильдеперсовые чулки, там голубые туфли такие, плакала. Выкинули, ничего не оставили, вот то что было там, вот это выкинули. Ну, вот и мы очутились где-то там, в подвале жили, в страшном” [12]. “У меня квартира была, знаете где? Вот, Красноармейская и улица Просвещения, а теперь улица [Греческого города] Волос. Вот угол Волоса и Журавлева, там был мой дом, сейчас они поломали. Мне эту квартиру [где в настоящее время живет респондент - Т.Х.] военкомат дал. Сейчас не получишь такой квартиры. И это самое, конечно, рхлядь такая, была эта квартира” [13].

При этом многие респонденты сохранили воспоминания о жизни в “вынужденной ссылке” (эвакуации) как об относительно “нормальной и даже в чем-то хорошей жизни”: “Запомнилось мне, как мы работаем в колхозе. Хлеб там такой был вкусный. Они его пекли на капустных листах. И это же хлеб был натуральный, т.е. пусть его было мало, но это ж перемололи муку и сделали хлеб, не то, что сейчас, потому что сейчас вообще я не знаю, что это, хлеб или что. Значит, очень вкусный был хлеб, мне запомнилось. Мне запомнились несчастные эти эвакуированные, которые вот какие-то такие беспомощные были. Ну, мама моя вот шила, мы там, в колхозе что-то там крутились в школе, что-то там, в общем, я ж говорю, спектакли устраивали. Мы “Бориса Годунова” ставили в школе...” [14]. Эта нормальность во многом оказалась связанной и с теми конкретными людьми, с которыми приходилось жить “под одной крышей”.

Соседи: неперемный атрибут коммунальной жизни. Фигура соседа, ставшая карикатурно-зловещей благодаря длительно просуществовавшему в нашей стране коммунальному быту, в воспоминаниях людей, переживших войну, выглядит не столь однозначно негативной. Многие респонденты с большой теплотой и благодарностью вспоминали своих соседей: “И папа поехал через Ростов и заехал, а у нас Варвара Ивановна, как мы уехали, так ничего с места не сдвинулось. Варвара Ивановна живет, все сохраняет. Полтора соседа было, все сохранили” [15]. “А потом поменяла эту комнату в общежитии на комнату, но эта была не коммунальная квартира. Это был дом такой, наверно, жактовский, как тогда говорили, но это был небольшой бревенчатый дом. Это в Сибири было. Но он вот тоже, во всяком случае, наше крыло было поделено между двумя семьями, у меня комнатка и у соседей две комнатки. Мы год прожили вместе, что называется душа в душу. Как-то и я, они пожилые две женщины, я им старалась помочь, ну, очень приятная была соседка, мать ее, может быть, не очень приятная, но она старая была, что там, только помочь ей можно было. А наоборот, когда я заболела, у меня возникли затруднения, соседка нам помогала. Так и прожили...” [16].

Теснота и плотность жилищных условий лишали советского человека элементарной возможности на уединение. Его жизнь протекала на виду большого количества людей, которые с течением времени и укоренившейся “привычки к коллективному” уже не казались ему посторонними. При этом вовлеченность в пространство чужой жизни зачастую происходила “исподволь”, навязываясь не столько общностью проживания, сколько неизбежностью коммуникативного соприкосновения: “А, вот Вам хочу сказать, что вот, например, вот эта наша одинокая армянка, царствие ей небесное, как говорится, у нее какие-то, она была одинокой женщиной, были какие-то личные, интимные истории. И вот наши соседи во дворе: “Маша, Маша, вон там Сирануш пошла”. И они бежали за ней по улице. Они бежали за ней по улице, посмотреть, с кем и куда пошла. Вот это я говорю, люди со двора громадного дома. А она жила у нас за спиной, и мы никогда ничем этим не интересовались. Нет, ну, что-то, какие-то обрывки невольно, когда живешь так тесно, долетали. Ну, как долетали, так и улетали. И мы скорее от кумушек на лавочке знали об ее личной жизни, чем из наших личных наблюдений” [17].

Вместе с тем, перипетии советской жилищной политики, сопровождавшиеся частыми уплотнениями обладателей избыточных площадей, приводили к соседству представителей различных социальных слоев. Такая ситуация не могла не сказываться на характере отношений между жильцами: *“Значит, в этой половине жила очередная пролетарка... В эту квартиру деда с бабушкой заселились люди, в общем, это была уже коммуналка. И в коммуналке уже были разные отношения очень. Вот эта, вот которая жила в квартире внизу, которая шла с лестницы, тоже Мара такая, с характером, она все еще хотела навести порядок в господской части, если так выразиться, говорила: “Не закрывайте двери!”. В ту часть вела дверь, которая с этой стороны закрывалась, прислуга не могла прийти, если ее не звали, чего ходить. Так она все требовала, что бы мы эту дверь не смели закрывать, а там был такой крючок большой. Ну, вообще в силу дедовской громадной интеллигентности, бабушка ссорилась, шумела, а дед это дело утихомиривал”* [18].

Не способствовали хорошим соседским отношениям и широко распространившиеся во время оккупации факты самопроизвольного вселения в квартиры ушедших на фронт, эвакуировавшихся и захвата их имущества: *“Кончилась война, я приехала, одна девочка, поступать в университет, квартира наша занята. Я пошла на Ворошиловский [проспект] смотреть, а там магазины, парикмахерская. У нас был первый этаж, и нашей квартиры вообще нет. У нас была очень большая площадь, прекрасная квартира, нас было 6 человек, еще бабушка, а так мы остались в этой коммуналке [на Станиславского]. Я пошла к себе домой, открывает дверь какой-то дядька. Я говорю: “Вы извините, это вообще наша квартира, но я понимаю, что Вы тут живете. Но я приехала одна, отец мой еще на фронте. Можно мне переночевать? А то у меня завтра первый экзамен”. Он меня повернул спиной, дал мне толчка, вот так, как говорится, под зад коленом, и я очутилась на веранде, и все”* [19]. *“Вот я приехала домой, там живут чужие люди. Я говорю: “А где наши стулья хотя бы или что там...”. Вот мне даже Клара Борисовна говорит, вот те забирали ваш диван, у этих это, ваш стол находится вот в том учреждении. Она мне все говорила, где что. Я пошла, нашла этот стол большой, там тем более вырезки Вика, Женя, Валя, Лера. “Иди девочка, как пришла, так и иди отсюда”* [20].

Семья и взаимоотношения между родственниками. Характерно, что временное жилье периода оккупации или уже полученное после войны домом как таковым не воспринималось. Практически все респонденты связывали с домом исключительно то место, где они родились, провели детство и где обязательно находилась семья. Не у всех из них она оказалась счастливой. Однако во всех без исключения воспоминаниях выступала непременно спутником повествований и тем оселком, вокруг которого выстраивались биографические нарративы военного времени. Подавляющее большинство собеседников являлись выходцами из рабоче-крестьянской среды и, если впоследствии не обзаводились гуманитарным образованием, вспоминали о ней простым перечислением родственников с указанием их профессиональной принадлежности: *“Сам я выходец из крестьян. Нас было 8 человек детей, я - самый младший”* [21].

Семьи, как правило, были большими и многопоколенными: *“Родился я в селе Вежа Кашарского района Ростовской области в семье учителя 23 сентября 1923 г. Семья наша состояла из шести человек: мама и папа, две сестры, брат младше меня на 4 года. Я был третий [по счету из детей]”* [22]. *“Отец у меня - слесарь, а семья у нас - 10 детей. Я - седьмой из детей. Моя мама - мать-героиня. Ей Золотую Звезду вручали в Кремле”* [23]. *“Родилась в Ростове, отец был где-то на 18 лет старше матери. Мать была 1904 года, а отец был инженером, служил в царской армии, в Румынии служил инженером. Дед был из Крыма, а бабушка - турчанка”* [24]. Уровень образованности старших поколений колебался от *“юридического факультета Петербургского университета”* до *“наличия 2-х - 3-х классов школы и умения писать”*: *“Дед мой - профессор Ростовского университета, в свое время закончивший Петербургский университет, юридический [факультет], и работал он до революции адвокатом, юристом, у него была своя контора. Но потом революция, как всегда, все поломала в жизни... Уже в Ростове он поменял*

свое образование, где-то он учился, я уже не помню, конечно, но он уже стал преподавать в мединституте нормальную анатомию и биологию, уже потом в университете. Так что он был профессор и очень грамотный, очень интересный, очень красивый человек. А мама была одним из бухгалтерских работников, а отец был вообще, он тоже получил экономическое образование” [25]. “[Отец грамотным был, раз продавцом работал?]. Ну, два класса у него было, считался грамотный, кому заявление написать” [26].

Отношения в них складывались по-разному и определялись самыми различными обстоятельствами: численным составом семьи и занятостью родителей: “Отец у меня учитель. Мать тоже некоторое время учительствовала. Потом была детьми занята. Раз они учителя, то вся наша семья была под влиянием этой профессии” [27]; эмоциональной холодностью членов семьи: “И он [муж] вспоминает, как они пришли на станцию ростовскую. Толпа стоит, значит, эти дети, которых будут отправлять и не только дети, и люди, не имеющие детей, вот они подлежали отправке туда до определенного возраста. Да, и мама пришла его провожать. И вот настал момент, когда они попрощались и всех их отвели туда. И посадили, как Виталий рассказал, в “телячьи вагоны”. Он говорит: “Я сижу в вагоне и чувствую, что не могу, лучше умереть”. Он говорит: “Я выскочил из вагона, вагон стоял близко к выходу из вокзала. А на воротах стоял то ли немец, то ли полицейский вооруженный, ну, который охранял. Он никакого вопроса не задавал, ни воспрепятствовал, и я подбежал к матери и сказал: “Мама, я никуда не поеду”. А она ответила: “А ты подумал, что с нами будет?”. Она странная женщина была немножко. И опять же Виталий вспоминал, что когда он вернулся из Германии, через три года после этого он говорит: “Дома у нас была моя тетка”. Тетка по отцу, он ее очень любил, она его как-то поддерживала, присматривала за ним. И он говорил: “Тетка рыдала, увидев меня, а мать встретила меня, так как будто я приехал из пионерского лагеря”); а порой и обыденной личной неприязнью: “А бабушке отец не нравился, мама из интеллигентной семьи, очень красивая мама такая <...> И отец уехал в Сочи, исчез и уехал в Сочи. И где-то в 1932 или 1933 гг., я забыла, маленькая была, он вызвал нас. И потом бабка опять приехала за мамой, отец стал пить, и забрали нас в Ростов с мамой. Помню, как отец бежал за поездом, сочинский этот самый перрон” [28].

В памяти отложились эпизоды, относящиеся к внешнему облику отдельных наиболее колоритных членов семьи (“У моего отца была грива такая, волосы густые и когда он вышел, у него одна фотография с волосами, он был абсолютно лысый. У него все волосы вылезли после плена” [29]), их характеру (“У матери был очень себялюбивый характер. Она была красивая женщина <...> Отец очень любил мать, я Вам сказала, но мать все время пожарчики какие-то разжигала между ними, ну а, в общем, они друг в друге нуждались” [30]) и их безусловным достоинствам (“Дед писал стихи. Он был изумительным рассказчиком, лекции он читал так, что ребята не выходили на перерыв. Он был потрясающий рассказчик и хорошо писал обычные стихи. Вот мне он дал, да мне было 13 лет, совершенно точно. И начинался этот альбом его чудным рисунком, он прекрасно рисовал акварелью, вот то, что он открытки делал” [31]). По мнению большинства собеседников, война не внесла каких-либо существенных изменений в семейные взаимоотношения, скорее наоборот, придала им большую крепость и сплоченность: “[Война никак не повлияла на отношения между близкими?]. Нет, я думаю никак. Наоборот, мы же были все сплоченные, сбитые, боялись друг друга потерять. Нет, нет” [32].

При этом война неизбежно вносила свои коррективы во взаимоотношения между близкими, что находило отражение и на характере переписки военного времени. Во многих воспоминаниях практически отсутствуют упоминания об “эпистолярной связи” с членами семьи, находившимися на фронте или в эвакуации. При том что почта, по оценкам ряда респондентов, “работала хорошо”, за всю войну они “не получили и двух писем”. Объяснениями тому, как правило, виделись элементарная нехватка свободного времени, которого зачастую “вообще

не было”, усталость, отсутствие сведений о местонахождении родных. Однако не менее весомой причиной представляется и резко обозначившаяся в рассматриваемый период времени проблема содержания письма. Письмо из довоенного средства коммуникации превращалось в опознавательный знак, символ жизни, поддержания крепости духа и надежды на то, что “в этой мясорубке ты не один, тебя где-то ждут”. По словам собеседников, если и писали, то только “хорошее или из жизни”: “Да, переписка была и не только от отца. От отца получали, от соседа, который наполовину грек, получали... В основном, были это не письма, а открытки. Значит, открытка и там... ну, может быть, и письма были, я сейчас не помню. Но мы не писали, что мы умираем с голоду, что их там... Ну писали, что домой хотим, ну, вот папа нас и вызвал. А еще там наша семья в этой Георгиевке, муж с женой, и она там умудрилась родить в этой Георгиевке. Они эвакуировались муж с женой, вот она родила ребенка и с ними была ее мама. Вот ее мама умерла с голоду, не выжила. А она с мужем и ребеночек вернулись, но вернулись намного позже” [33]. “[А кто писал семья или друзья?] Семья, ну если так говорить, большие девушки писали. И у меня остались письма и мои остались, которые я оттуда посылал, со штампами, с цензурой. Моя жена сохранила. Ну а там что, люблю, жду, целую” [34]. “Ну, писали, как мы живем, это когда немцев не было, а при немцах никакой переписке не было” [35].

Переписка затруднялась и еще одним, более прозаическим обстоятельством: низким уровнем грамотности и несформированностью у большей части населения привычки к такого рода коммуникациям: “[Скажите, а была у Вас постоянная связь с домом? Письма получали, писали?]. За полгода 2 письма. [Вам написали или Вы написали?]. И мне, и я. Они же за мной не могли ходить! Но писала, в основном, моя бабушка. Она неграмотная, печатными большими буквами пишет: “Лида!”. В отдельных случаях письма читали и писали соседи: “Одна у нас соседка была грамотная, она все письма читала. Что там недопоймет кто-то в письме, она все читала. Она была грамотная. Один класс кончила” [36].

Встречались и более серьезные эксцессы, когда в крайне тяжелой ситуации у людей сдавали нервы, и они отказывали своим близким в помощи: “Но однажды мать меня поразила, нехорошими какими-то качествами. Продукты доставал не столько отец, на его зарплату нельзя было ничего достать, сколько зарабатывала на кормежку мать, вот этими своими походами на “менку”. И мать вдруг потребовала, чтобы мы жили, да она и раньше этого требовала, чтобы мы жили со стариками отдельно, она не может всех прокормить. [Это во время войны?]. Ну конечно, она, собственно, начинала это еще и до войны, но во время войны, так сказать, решительно: “Я не могу кормить всех, меня не хватает на всех”. Я помню такой день, как-то я определила, я увидела, что бабушка Маня лежит, накрывшись, не встает, а отец с матерью о чем-то страстно, но тихо говорят, а оказывается, у бабки нет никаких продуктов, совершенно, есть нечего! И отец требовал, чтобы мать что-то из своих запасов, а она отказывается” [37].

Вместе с тем, в годы войны не только крепились, распались, но и создавались новые семьи. О своих будущих избранниках девушки мечтали в перерывах между боями: “Как мы поженимся, только об этом было, кого мы найдем себе, чтобы был такой, как ты или кто-то, кто нравился. Ну, конечно, ухаживало много ребят, у меня даже муж летчик” [38], а юноши предпринимали более серьезные шаги: “В 1944 году дали отпуск в Ростов за умелое руководство операцией связанной с Тегераном. Командир мне говорит: “Орден тебе или отпуск?”. Мне дали и отпуск, и орден, приехал с орденом Отечественной войны. А чего приехал, вон она моя голубушка. Это 8-го июня я женился в 1944 году. [Ростовчанка?]. Да, это моя подружка мы вместе учились. [Она ждала вас?]. Ну, а как же? Мы встречались еще я в спецколле учился. Военная форма, девчонки - это ж ой. Авторитет армии был, мальчишки такие. А я так прикинул и говорю: “Лиичка, знаешь голубушка 1944 год. Дело к окончанию войны, я вот знаю, что сейчас вот-вот закончится и ринется такая масса”, а я был старшим лейтенантом, “не с маленькими тремя звездочками, а с большой одной, а то и с двумя,

тут орденов и медалей. Тут женихов будет!”. Пошли в ЗАГС и расписались. Я имел права ее взять в Иран, ее в особый отдел несколько раз вызывали, а она отказалась (училась в строительном вузе)” [39].

Сохранились воспоминания и о том, как ухаживали “с ящичками шоколада” и “белыми перчатками”, и какое это производило впечатление: “Я вам расскажу. Когда я приехал из Ирана к Лиечке, прежде всего, к ней зашел. А она училась в институте Ворошиловский, Энгельса и следующая улица, не помню какая, там был строительный институт, потому что-то был разрушен, там двухэтажное здание какое-то длиненькое, наверно, школа. И они там учились. К окончанию уроков пришел к ней. Это ж надо быть, сапоги, естественно шпоры серебряные, звон аж на другой улице, китель, погоны золотые, пробковый шлем, перчатки белые и стэк, а стэк это только кто ездит на лошадях, но иранский, и я купил с большой петлей. И подходя к институту, закуривал сигару, золотом, золотая такая. Никогда не курил, не до, не после, но это ж, и ждал. А там, как только перемена все к окнам и девчонки. А тут такое зрелище, они ж привыкли, что каждый раз приходит такой. А это ж для них действие, потому что у них на курс было два или три пацана, потому что все ж призывали в армию, а им такое представление, пришел такой как петух разнаряженный, да еще в белых перчатках, да еще стэк с этими самыми шпорами и они кричали, потом Лия рассказывала: “Лийка, к тебе белые перчатки пришли!”. Она выходила, я брал ее портфель и домой” [40].

Характер и особенности воспоминаний участников Великой Отечественной войны о доме и семье свидетельствуют о том, что они оставались наиболее значимыми локусами их повседневной жизни. Жизни, большая часть которой протекала в условиях, лишенных даже намека на возможность уединения или укрытия от бдительного ока соседей. Дом для советского человека оставался не только его крепостью, но и пространством роевой жизни, где как в классическом театре поступки сопрягались с каноническим текстом, нарушение последовательности которого выправлялось суфлером. Частая смена мест проживания, по сути, не менявшая образа жизни и ставшего привычным многолюдного окружения, превращала его в некую декорацию, неизменной частью которой оставалась только семья. Жилищная политика советской власти и чрезвычайные обстоятельства жизни в условиях военного времени расширили границы последней, включив в ее состав людей, деливших с ней один кров. Однако, несмотря на столь суженные перспективы оказаться один на один со своей жизнью, человеку даже в условиях коммунального быта и многопоколенной семьи удавалось сохранить пусть небольшой, но не затронутый чужим взглядом кусочек приватного. Оно не всегда находило возможности для своей реализации, но отражалось в иррегулярной переписке, наличии двери, ограждающей комнату от мест общего пользования и неизбежного столкновения взглядов, “уличных бегах”, не поднадзорных родительской опеке. Следует заметить, что таких возможностей в годы войны в отличие от мирного времени стало больше. Другой вопрос: насколько они были востребованы и отвечали сложившемуся укладу жизни человека того времени?

1. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г.Курбат, Т.П.Хлынина. Место проведения: г.Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

2. Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна, 1926 г.р. Интервьюер: Е.Ф.Кринко. Место проведения: г.Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 123 минуты. Запись 29 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

3. Респондент: Карпенко Александр Захарович, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф.Кринко, Т.Г.Курбат. Место проведения: г.Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 175 минут. Запись 13 марта 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

4. Респондент: Жуган Николай Павлович, 1917 г.р. Интервьюер: И.Г.Тажидинова. Место проведения: г.Краснодар, квартира респондента. Продолжительность: 77 минут. Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

5. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р.

6. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф.Кринко, Т.Г.Курбат. Место проведения: г.Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись 18 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
7. Респондент: Калабухова Инна Николаевна, 1933 г.р. Интервьюер: Е.Ф.Кринко. Место проведения: г.Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 95 минут. Запись 19 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
8. Респондент: Семина Виктория Николаевна, 1930 г.р. Интервьюеры: Е.Ф.Кринко, Т.Г.Курбат. Место проведения: г.Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
9. Там же.
10. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р.
11. Там же.
12. Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна, 1926 г.р.
13. Респондент: Карпеева Лидия Михайловна, 1923 г.р. Интервьюеры: Т.Г.Курбат, Т.П.Хлынина. Место проведения: г.Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 50 минут. Запись от 15 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
14. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р.
15. Там же.
16. Респондент: Калабухова Инна Николаевна, 1933 г.р.
17. Там же.
18. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р.
19. Респондент: Тихомирова Валерия Александровна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф.Кринко, Т.Г.Курбат, Т.П.Хлынина. Место проведения: г.Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 130 минут. Запись 22 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
20. Там же.
21. Респондент: Жуган Николай Павлович, 1917 г.р.
22. Респондент: Бирюков Владимир Ильич, 1923 г.р. Интервьюер: И.Г.Тажидинова. Место проведения: г.Краснодар, квартира респондента. Продолжительность: 60 минут. Запись 6 ноября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
23. Респондент: Мартынов Валентин Иванович, 1926 г.р. Интервьюер: И.Г.Тажидинова. Место проведения: г.Краснодар, квартира респондента. Продолжительность: 60 минут. Запись 2 ноября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
24. Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна, 1926 г.р.
25. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р.
26. Респондент: Перетяцько Василий Иванович, 1921 г.р. Интервьюер: Е.Ф.Кринко. Место проведения: г.Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 152 минуты. Запись 16 октября 2012 г.
27. Респондент: Бирюков Владимир Ильич, 1923 г.р.
28. Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна, 1926 г.р.
29. Респондент: Тихомирова Валерия Александровна, 1925 г.р. 30. Респондент: Семина Виктория Николаевна, 1930 г.р.
31. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р.
32. Там же.
33. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р.
34. Респондент: Карпенко Александр Захарович, 1921 г.р.
35. Респондент: Крюкова Анастасия Леонтьевна, 1928 г.р. Интервьюер: Т.Г.Курбат. Место проведения: г.Ростов-на-Дону, квартира И.В.Пашенко. Продолжительность 73 минуты (интервью производилось по скайпу). Запись 15 октября 2012 г.
36. Там же.
37. Респондент: Семина Виктория Николаевна, 1930 г.р.
38. Респондент: Карпеева Лидия Михайловна, 1923 г.р.
39. Респондент: Карпенко Александр Захарович, 1921 г.р.
40. Там же.

References

1. Respondent: Kremjanskaja Sil'vija Jakovlevna, 1926 g.r. Interv'juery: T.G.Kurbat, T.P.Hlynina. Mesto provedenija: g.Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Prodolzhitel'nost' 80 minut. Zapis' 16 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
2. Respondent: Kovalenko Zoja Grigor'evna, 1926 g.r. Interv'juer: E.F.Krinko. Mesto provedenija: g.Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Prodolzhitel'nost' 123 minuty. Zapis' 29 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
3. Respondent: Karpenko Aleksandr Zaharovich, 1921 g.r. Interv'juery: E.F.Krinko, T.G.Kurbat. Mesto provedenija: g.Rostov-na-Donu, kvartira respondenta Prodolzhitel'nost' 175 minut. Zapis' 13 marta 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

4. Respondent: Zhugan Nikolaj Pavlovich, 1917 g.r. Interv'juer: I.G.Tazhidinova. Mesto provedenija: g.Krasnodar, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost': 77 minut. Zapis' 25 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
5. Respondent: Kremjanskaja Sil'vija Jakovlevna, 1926 g.r.
6. Respondent: Rozenblit Jevlina Evgen'evna, 1933 g.r. Interv'juery: E.F.Krinko, T.G.Kurbat. Mesto provedenija: g.Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 107 minut. Zapis' 18 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
7. Respondent: Kalabuhova Inna Nikolaevna, 1933 g.r. Interv'juer: E.F.Krinko. Mesto provedenija: g.Rostov-na-Donu, kvartira respondenta Prodolzhitel'nost' 95 minut Zapis' 19 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
8. Respondent: Semina Viktorija Nikolaevna, 1930 g.r. Interv'juery: E.F.Krinko, T.G.Kurbat. Mesto provedenija: g.Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 105 minut Zapis' 25 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
9. Tam zhe.
10. Respondent: Kremjanskaja Sil'vija Jakovlevna, 1926 g.r.
11. Tam zhe.
12. Respondent: Kovalenko Zoja Grigor'evna, 1926 g.r.
13. Respondent: Karpeeva Lidija Mihajlovna, 1923 g.r. Interv'juery: T.G.Kurbat, T.P.Hlynina. Mesto provedenija: g.Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 50 minut. Zapis' ot 15 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
14. Respondent: Kremjanskaja Sil'vija Jakovlevna, 1926 g.r.
15. Tam zhe.
16. Respondent: Kalabuhova Inna Nikolaevna, 1933 g.r.
17. Tam zhe.
18. Respondent: Rozenblit Jevlina Evgen'evna, 1933 g.r.
19. Respondent: Tihomirova Valerija Aleksandrovna, 1925 g.r. Interv'juery: E.F.Krinko, T.G.Kurbat, T.P.Hlynina. Mesto provedenija: g.Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Prodolzhitel'nost' 130 minut. Zapis' 22 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
20. Tam zhe.
21. Respondent: Zhugan Nikolaj Pavlovich, 1917 g.r.
22. Respondent: Birjukov Vladimir Il'ich, 1923 g.r. Interv'juer: I.G.Tazhidinova. Mesto provedenija: g.Krasnodar, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost': 60 minut Zapis' 6 nojabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
23. Respondent: Martynov Valentin Ivanovich, 1926 g.r. Interv'juer: I.G.Tazhidinova. Mesto provedenija: g.Krasnodar, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost': 60 minut. Zapis' 2 nojabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
24. Respondent: Kovalenko Zoja Grigor'evna, 1926 g.r.
25. Respondent: Rozenblit Jevlina Evgen'evna, 1933 g.r.
26. Respondent: Peretjat'ko Vasilij Ivanovich, 1921 g.r. Interv'juer: E.F.Krinko. Mesto provedenija: g.Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 152 minuty. Zapis' 16 oktjabrja 2012 g.
27. Respondent: Birjukov Vladimir Il'ich, 1923 g.r.
28. Respondent: Kovalenko Zoja Grigor'evna, 1926 g.r.
29. Respondent: Tihomirova Valerija Aleksandrovna, 1925 g.r. 30. Respondent: Semina Viktorija Nikolaevna, 1930 g.r.
31. Respondent: Rozenblit Jevlina Evgen'evna, 1933 g.r.
32. Tam zhe.
33. Respondent: Kremjanskaja Sil'vija Jakovlevna, 1926 g.r.
34. Respondent: Karpenko Aleksandr Zaharovich, 1921 g.r.
35. Respondent: Krjukova Anastasija Leont'evna, 1928 g.r. Interv'juer: T.G.Kurbat. Mesto provedenija: g.Rostov-na-Donu, kvartira I.V.Pashhenko Prodolzhitel'nost' 73 minuty (interv'ju proizvodilos' po skajpu). Zapis' 15 oktjabrja 2012 g.
36. Tam zhe.
37. Respondent: Semina Viktorija Nikolaevna, 1930 g.r.
38. Respondent: Karpeeva Lidija Mihajlovna, 1923 g.r.
39. Respondent: Karpenko Aleksandr Zaharovich, 1921 g.r.
40. Tam zhe.